

Серебряный отблеск правды

Автор: Mateo Berettinini

Mateo Berettinini

Серебряный отблеск правды

«Автор»

2026

Berettinini M.

Серебряный отблеск правды / М. Berettinini — «Автор», 2026

В суровых высокогорьях Сен-Верана честь пастуха испокон веков ценилась дороже золота. Но когда лютая альпийская зима грозит погубить стадо, а единственный сын готовится к свадьбе с дочерью знатного нотариуса, старый Батист Рошбрюн оказывается на краю пропасти. Чтобы спасти хозяйство и не допустить нищенского позора для сына, он решается на отчаянный шаг — оформляет государственную субсидию на тысячи несуществующих овец. Роковой обман, в который Батист втягивает ничего не подозревающую жену, быстро затягивает семью в капкан. Казенные миллионы оборачиваются неотвратимой бедой, когда на высокогорной ферме появляются следователи жандармерии. Теперь старику предстоит вступить в последнюю битву — взять всю вину на себя и спасти имя любимой женщины. Пронзительная психологическая драма о непомерной цене родительской любви, долге и искуплении.

© Berettinini M., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. ДЫХАНИЕ ЗИМЫ В СЕН-ВЕРАНЕ	5
Глава 2. ЦЕНА ОТЦОВСКОГО СЛОВА	8
Глава 3. ТАЙНЫ РАТУШИ	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Mateo Berettinini

Серебряный отблеск правды

ГЛАВА 1. ДЫХАНИЕ ЗИМЫ В СЕН-ВЕРАНЕ

Холод в верховьях долины Кейра не приходил крадучись — он обрушивался с ледников внезапно, словно сорвавшийся с уступа гранитный валун. Еще вчера лиственницы на кручах Сен-Верана роняли на камни последнюю тусклую золотую хвою, а к рассвету ущелье затянуло свинцовой, глухой мглой. Северный ветер, вырвавшийся из провалов Пьемонта, мел по террасам колючую ледяную крупу, забивая щели деревянных амбаров и превращая рыжую грязь скотных троп в твердое, острое крошево.

Батист Рошбрюн стоял на пороге овчарни, глубоко засунув огрубевшие ладони в карманы старой брезентовой куртки. Пальцы ныли тупой, въедливой болью — застарелый ревматизм чабана напоминал о себе перед каждой метелью. Пар от его дыхания оседал белым инеем на жестких седых усах.

Перед ним, отгороженное от пронизывающего сквозняка плетеными ореховыми щитами, дышало тяжелым теплом стадо. Шестьдесят коров таррантской породы, темно-рыжих, широколобых, с крутыми полумесяцами рогов, тихо переступали копытами по мерзлой соломе. Чуть поодаль, в полутемном крытом навесе, жались друг к другу овцы — полтораста голов, всё, что удалось уберечь от засухи прошлого лета и осенней бескормицы. Каждое животное Батист помнил по зарубке на ухе и норову. Этот каменистый надел на урочище Ле-Мон-Нуар достался ему от отца, а тому — от деда. Земля эта никогда не знала легкого хлеба: она требовала надсадного труда, согнутой спины и терпения, в обмен давая лишь право называть себя вольным пастухом.

Сзади скрипнули тяжелые полозья тачки. Гастон, двоюродный брат Батиста, такой же согнутый непогодой старик с лицом цвета дубленой кожи, с грохотом сгрузил смерзшийся навоз в угол двора.

— Сена осталось до середины января, Батист, — сипло бросил он, утирая нос рукавом замасленной куртки. — Тюки на нижнем складе подмокли, половина пошла плесенью. Если не найдем денег на сотню центнеров прессованной люцерны из низины, к февралю коровы лягут. А перекупщики в долине Дюранса просят по сорок пять евро за рулон. Солярку для старого трактора нам больше в долг не наливают — бакалейщик в Бриансоне грозился передать счета судебному приставу.

Батист ничего не ответил. Он медленно вытащил из внутреннего кармана сложенный вчетверо лист тонкой бумаги, исписанный мелким, аккуратным почерком. Письмо пришло два дня назад из Лиона, но старик перечитывал его уже в десятый раз, пока серые строчки не выжгло в памяти.

Писал Жюльен.

Единственный сын, поздний и вымоленный у всех святых ребенок. Мальчик вырос на этих суровых скалах, но судьба подарила ему ясную голову и тягу к чертежам. Жюльен первым из всего рода Рошбрюн перешагнул порог политехнического института в Гренобле, выучился на инженера и остался работать на мостостроительных верфях Лиона. И вот теперь сын сообщал, что нашел свою судьбу. Ее звали Элеонора. Она была младшей дочерью господина Дюваля — нотариуса с вековой репутацией, чья семья владела старинным каменным особняком и виноградниками в предместьях Валанса.

Свадьбу назначили на конец мая.

«Отец, — писал Жюльен, зная тяжелый нрав и вечную нужду старика, — нам не нужны пышные торжества. Мы с Элеонорой можем просто расписаться в мэрии Лиона, посидеть в маленьком кафе с друзьями. Не беспокойся ни о чем, не продавай коров...»

У Батиста потемнело в глазах, когда он впервые дошел до этих слов. Расписаться украдкой? Словно безродные бродяги, подобранные на большой дороге? В горных селениях Верхних Альп мужчина мог простить себе голодную зиму или заплатанные штаны, но он не имел права уронить достоинство своего имени. Дочь знатного нотариуса входила в семью чабанов. Позволить городской родне шептаться за спиной сына, будто Рошбрюны столь нищи, что не способны накрыть столы и поднести свадебный бокал гостям, значило перечеркнуть всю жизнь.

Обычай требовал праздника в старинном шато в предгорьях, шатров на двести человек, жареных на вертелах ягнят, выдержанного вина и скрипачей. А главное — Жюльену требовалось подспорье: первый взнос за крошечное жилье в городе, чтобы молодая жена не знала унижительной нужды на съемных квартирах. На все это требовалось не меньше тридцати пяти тысяч евро. Для Батиста эта сумма была столь же недостижима, как ледяная вершина Мон-Визо.

— Батист! Ты оглох, что ли? — голос Гастона выдернул его из оцепенения. — Снизу машина поднимается. Никак Марсель на своем пикапе ползет по наледи.

Ржавый «Пежо» соседа по пастбищу Марселя Бланшара с натужным воем вскарабкался на перевал, взбивая мокрый снег цепями на колесах. Хлопнула дверца, и к овчарне торопливо зашагал коренастый, верткий мужчина в теплой охотничьей куртке. Марсель держал сотню гектаров сенокосов ниже по склону и славился среди местных крестьян редкой изворотливостью: он вовремя чуял любые перемены в законах и умел договариваться с окружающими чиновниками.

— Ну и собачий холод у вас на верхотуре! — крикнул Марсель, на ходу растирая красные щеки. — Здорово, Батист. Впусти к печке, кости ломит.

Они вошли в тесную бревенчатую пристройку чабанской хижины. На чугунной плите шипел закопченный чайник, пахло сушеной мятой, старым овечьим тулупом и горьким березовым дымом. Марсель с грохотом опустил на дощатый стол пузатую бутылку домашнего бренди, налил две мутные стопки и жадно выпил.

— Слышал я про твоего Жюльена, — начал Марсель, прищулив водянистые, пронизательные глаза. — Вся округа в Сен-Веране только об этом и говорит. Дочка самого Дюваля! Высоко взлетел парень, ничего не скажешь. Только вот на какие шиши ты собираешься играть эту свадьбу, Батист? Я видел твоих коров — ребра наружу. Сена у тебя нет. Банки в Гапе мелким фермерам даже двери не открывают, сам знаю.

Батист сжал стакан узловатыми, непослушными пальцами, но к напитку не притронулся. Желваки на его ввалившихся щеках напряглись.

— Мои долги — это моя забота, Марсель. Не пори чушь.

— Да брось ты хорохориться передо мной! — Марсель придвинулся ближе, понизив голос до вкрадчивого полусшепота. — Мы с тобой с детства эти склоны топчем. Ты пропадешь до весны, старик. Либо скотину под ножпустишь за гроши перекупщикам, либо парень твой на свадьбе со стыда сгорит перед нотариусом. А ведь выход лежит прямо у тебя под ногами.

Батист исподлобья взглянул на соседа.

— Какой выход?

— Государственная помощь, — быстро проговорил Бланшар. — Новая программа развития горных пастбищ от министерства сельского хозяйства и фонда Брюсселя. Прямые компенсации за содержание маточного поголовья коров и овец. Тем, кто пасет скот на кручах, компенсируют до половины расходов на корма и выпас.

— Я знаю про этот грант, — глухо отозвался Батист. — Мэр присылал циркуляр. Там платят по несколько евро на овцу и по сто евро на корову. У меня всего полторы сотни ярок

и шесть десятков телок. Что мне начислят? Две тысячи евро? Мне эти слезы даже долги за топливо не закроют.

Марсель тихо, сухо усмехнулся и оглянулся на закрытую дверь, словно ветер за стеной мог подслушать их разговор.

— А кто сказал, что ты должен писать правду?

В хижине стало слышно, как в поддувале печи с сухим треском оседают сосновые угли. Батист медленно поднял глаза на гостя.

— Ты в своем уме, Марсель?

— А почему нет? — с горячностью зашептал Бланшар, ударив кулаком по столу. — Чиновники агентства FranceAgriMer сидят в теплых кабинетах в Марселе и Лионе! Они смотрят только на экраны своих компьютеров. Неужели ты думаешь, что какой-нибудь парижский инспектор в начищенных туфлях полезет сюда, в сугробы Сен-Верана, пересчитывать твоих баранов по хвостам? Я оформлю тебе липовый договор купли-продажи сена на десять тысяч евро — будто ты купил у меня двести рулонов. Мой сват Люк Фабр подпишет второй такой же акт на корма. А ты в заявке напишешь, что у тебя на плато пасется три с половиной тысячи овец и три сотни коров.

— Три с половиной тысячи... — как во сне, одними губами повторил Батист. Цифра прозвучала дико, пугающе, почти кошмарно.

— Именно! Заявишь такое стадо — и получишь сорок, а то и пятьдесят тысяч евро чистыми на банковский счет! Слышишь меня? Сорок тысяч! Спасёшь скот, купишь сена, сыграешь Жюльену свадьбу, какую весь департамент век помнить будет. А через год-два объявишь, что был мор, волки перерезали стадо, и закроешь хозяйство. Все так делают, Батист! По всей Савойе, по всем Пиренеям фермеры только так и выживают. Государство у нас отбирает миллионы налогов, пусть вернет хоть каплю!

Батист молчал. В висках стучала тяжелая кровь. Вся его жизнь, вся нехитрая правда, завещанная дедом — никогда не брать чужого, не обещать того, чего не сможешь сделать, платить сполна за каждый ломоть хлеба, — вдруг встала против отцовской любви и смертельного страха за будущее сына.

— Это фальшивые бумаги, Марсель. За это сажают.

— Заведут дело, если поймают, — отмахнулся сосед, вставая из-за стола. — А с чего им тебя ловить? Ты уважаемый человек, шестьдесят лет без единого пятна на имени. Главное — правильно подать форму через государственную систему в интернете. А твоя Сесиль ведь как раз работает в ратуше... Она знает, на какую кнопку нажать. Подумай, Батист. Время до декабря. Либо ты берешь эти деньги и спасаешь сына, либо весной будешь собирать кости своих коров по оврагам.

Марсель хлопнул дверью. Вскоре донесся удаляющийся рокот мотора его пикапа, затишающийся в снежной круговерти.

Батист остался один. Он подошел к маленькому мутному окошку. Метель на дворе разыгралась не на шутку: белые хлопья неслись горизонтально, стирая очертания скал и превращая мир в ревущую ледяную пустыню. Старик прижал лоб к холодному стеклу. В кармане куртки лежало письмо сына, а на столе перед ним чернела пустота, в которую ему предстояло сделать первый шаг.

Глава 2. ЦЕНА ОТЦОВСКОГО СЛОВА

Наутро буран утих, оставив после себя ледяную, звенящую тишину. Снег лежал на террасах Сен-Верана гладким саваном, из-под которого кое-где сиротливо торчали верхушки можжевельных кустов. Батист не спал ни минуты. Всю ночь перед его глазами стояло насмешливое лицо Марселя и цифры — чудовищные, дикие цифры несуществующих тысяч овец, которые должны были спасти его от позора.

Совесть, воспитанная десятилетиями честного пастушьего труда, еще сопротивлялась. Он решил сделать последнюю попытку удержаться на краю.

Надев свой единственный праздничный пиджак из грубой шерсти, купленный еще к собственному венчанию тридцать с лишним лет назад, Батист с первыми лучами солнца спустился на перевал к остановке рейсового автобуса. Дорога до префектуры в Гапе заняла почти три часа. С каждым километром спуска горы словно отступали, уступая место чужому, суетливому миру равнины.

В центральном отделении банка «Crédit Agricole» пахло дорогим парфюмом, чистящим средством для ковров и свежесваренным кофе. Батист перешагнул порог и тут же замер: его подкованные железом сапоги гулко и неприлично стучали по полированному серому мрамору. Служащие за стеклянными перегородками бросали на него короткие, оценивающие взгляды, в которых сквозило вежливое недоумение. Старик чувствовал себя здесь медведем, забредшим на городскую площадь: воротник рубашки душил шею, а пальцы, привыкшие сжимать кнут и посох, не знали, куда деться.

Кредитный инспектор — молодой человек с гладко выбритыми щеками и тонкими золотыми оправками очков — указал Батисту на низкое кожаное кресло. На табличке значилось: Месье Готье, отдел кредитования малого бизнеса.

— Итак, месье Рошбрюн, — инспектор бегло пробежал глазами по выпискам, которые Батист дрожащими руками выложил на стеклянную гладь стола. — Вы запрашиваете тридцать пять тысяч евро сроком на три года. Цель займа — пополнение оборотных средств, закупка кормов и... семейные нужды?

— Сын женится, господин инспектор, — тихо, но отчетливо произнес Батист, глядя прямо в аккуратный узел шелкового галстука клерка. — И коровы... Нам нужно пережить зиму. Тюки подмокли, на перевале снега по пояс. Мне нужно сено, чтобы дотянуть до мая.

Месье Готье вздохнул с едва уловимой снисходительностью, свойственной городским жителям, когда им приходится выслушивать жалобы крестьян. Он щелкнул клавишей компьютерной мыши, и на экране замелькали таблицы.

— Давайте посмотрим ваше обеспечение, месье. Земля в урочище Ле-Мон-Нуар... сто гектаров. Но это не собственность, а долгосрочная аренда у муниципалитета. Право аренды банк не может принять в качестве надежного залога без согласия префектуры. Ваша жилая постройка в Сен-Веране — ветхий каменный дом пополам с супругой, обремененный правами наследования. Теперь движимое имущество: трактор выпуска 1989 года с нулевой остаточной стоимостью.

— У меня скот! — перебил его Батист, подавшись вперед. — Шестьдесят коров тарпантской породы! Каждая дает по двадцать литров жирного молока весной. Ветеринар Мерсье каждый год делает опись и клеймение. Вот справка с синей печатью! И овцы — полтора ста отборных ярок...

Инспектор даже не взял справку ветеринара. Он лишь покачал головой, сложив холеные ладони домиком.

— Месье Рошбрюн, живой скот на высокогорном выпасе — это высокорисковый актив. Эпизоотии, волки, падеж от холода. Банк не держит собственных скотобоен, чтобы реализовы-

вать ваших коров в случае дефолта. К тому же ваш официальный доход за прошлый фискальный год составил меньше девяти тысяч евро. Вам шестьдесят два года. По правилам оценки платежеспособности вы попадаете в категорию критического риска.

— Но я никогда в жизни не брал чужого сантима! — глухо вскрикнул старик. В его голосе зазвенели слезы, которые он яростно пытался подавить. — Мой отец брал ссуду на этот загон у вашего банка еще при генерале де Голле и выплатил все до последнего су! Спросите в Сен-Веране, спросите мэра — никто не скажет, что Батист Рошбрюн обманул соседа!

— Времена генерала де Голля давно прошли, месье, — холодно ответил Готье, поднимаясь и всем видом показывая, что аудиенция окончена. — Сейчас решения принимает скоринговая система в Лионе, а не мэр вашей деревни. Компьютер отклонил заявку. Если вам нужны деньги — продайте тридцать коров на мясокомбинат в Гренобле. Закроете долги и сыграете свадьбу. Доброго дня.

Батист вышел на улицу. Дождь хлестал в лицо ледяными струями, но старик даже не натянул шляпу. Он стоял на тротуаре, сжимая в кармане бесполезные бумажки, и смотрел на проезжающие мимо блестящие автомобили.

«Продайте коров на мясокомбинат...»

Для городского клерка коровы были строчками в графе убытков. Для Батиста они были плотью от плоти этих гор. Продать половину дойного стада значило уничтожить кошару. Это значило расписаться перед братом, перед покойным отцом и перед всей долиной в том, что род Рошбрюнов сломался, опустил руки и пошел по миру. А впереди была свадьба Жюльена. Представить, как сын будет краснеть перед богатым тестем-нотариусом, как городские гости станут переглядываться при виде тощих деревенских гостинцев, было для Батиста страшнее смерти.

Когда автобус привез его обратно к подножию перевала, сумерки уже густо заливали ущелье синевой. Батист не пошел домой в Сен-Веран. Он свернул на боковую тропу, ведущую к хутору Марселя Бланшара.

В окнах дома Марселя горел сытый, теплый свет. Во дворе стоял новый крытый прицеп для перевозки скота, пахло свежераспиленным ясенем и жареной свининой.

Хозяин открыл дверь сам, держа в руке полотенце. Увидев застывшего на пороге мокрого, осунувшегося Батиста с диким огнем в запавших глазах, Марсель понимающе усмехнулся и шире распахнул дверь.

— Был в городе? — коротко спросил он, даже не предлагая гостю снять промокшее пальто.

— Был, — выдавил Батист. Голос его охрип от сырости и бессилия.

— Отказали?

Старик промолчал, лишь тяжелее опустил плечи. Это молчание было красноречивее любых проклятий.

Марсель прошел к буфету, достал из нижнего ящика стопку чистых белых бланков с типографской разлиновкой и бросил их на стол рядом с початой бутылкой вина.

— Я знал, Батист. Городские волки тебя сожрут и костей не оставят, если будешь играть по их правилам. Вот, смотри. Это типовые договоры купли-продажи кормов. Я вписал сюда: двести пятьдесят рулонов сена высшего сорта на шесть тысяч четыреста евро от моего имени. Завтра заеду к Люку Фабру — он подмахнет второй договор еще на пять тысяч. Расписки о передаче наличных составим той же датой.

Батист подошел к столу. Бумаги казались раскаленными.

— А поголовье? — спросил он пересохшими губами.

— А в похозяйственной справке-расчете для префектуры напишешь: маточное стадо овец — три тысячи пятьсот тридцать голов. Мясных коров — двести шестьдесят три штуки. По моим прикидкам, казначейство перечислит по первой заявке около сорока двух тысяч евро. С

лихвой хватит и на корма, и на ресторан для Жюльена, и на старый грузовик останется, чтобы сено из долины возить.

— Кто подпишет эти расчеты, Марсель? Мой почерк в префектуре знают по земельным книгам.

Бланшар шагнул вплотную и заглянул старику в лицо:

— Твоя Сесиль. Она муниципальный секретарь. У нее есть доступ к государственной электронной платформе и цифровая печать мэрии. Ей не нужно ничего объяснять. Скажи, что это предварительная анкета на субсидию. Она послушает тебя, Батист. Жены всегда слушают таких мужей, как ты.

Батист медленно протянул руку и взял тяжелую пачку бумаг. Бумага была гладкой, холодной и пахла чужой канцелярией. Он не сказал Марселю «спасибо». Он сунул договоры во внутренний карман, где еще лежало утреннее письмо сына, повернулся и вышел в темноту.

В ту ночь пастух шел вверх по серпантину пешком, не чувствуя под собой ног. С каждым шагом в гору он отдалялся от той чистой, суровой правды, в которой прожил шестьдесят лет, и погружался в вязкую, топкую ложь, из которой уже не было возврата. Впереди, в каменном доме на окраине Сен-Верана, мерцал одинокий огонек в окне кухни: Сесиль ждала мужа к ужину, не ведая, какую страшную ношу он несет ей под полой промокшего пиджака.

Глава 3. ТАЙНЫ РАТУШИ

Старая крепость Бриансона, возведенная еще королевскими фортификаторами маршала Вобана, хранила в своих гранитных недрах холод многих столетий. Даже в разгар июльского зноя за трехметровыми стенами ратуши пахло стылой известью, сухой пылью, которую раскладывали на стеллажах от моли, и пылью забытых судеб. В ноябре же здесь царил промозглый, колючий сквозняк, пробивавшийся сквозь стрельчатые окна верхнего яруса.

Батист поднялся по широким каменным ступеням, стряхивая с тяжелых пастушьих сапог налипшую комьями городскую грязь. Каждый шаг гулким эхом отдавался под сводами длинного коридора. В руках старик сжимал потертую дерматиновую папку, внутри которой лежали подписанные Марселем Бланшаром и Люком Фабром фальшивые квитанции. Бумаги жгли ладони через плотный картон, словно раскаленные кузнечные клещи.

У двери с выцветшей медной табличкой *«Отдел кадастра и похозяйственного учета»* он остановился. Сердце колотилось в горле так тяжело, что перехватывало дыхание.

За этой дверью тридцать два года работала его Сесиль. Вся округа знала ее как женщину святой, почти монашеской честности. К ней шли крестьяне со всех окрестных деревушек — из Сен-Верана, Молин-ан-Кейра, Сервьере, — когда нужно было распутать старые споры о межевании сенокосов или подтвердить права на родовые пастбища. Сесиль знала каждый альпийский ручей, каждую межевую вежу и ни разу в жизни не кривила душой: ни за доброе слово, ни за корзину свежих сыров. И вот сейчас Батист стоял у порога, зная, что пришел разрушить эту незапятнанную чистоту своими собственными руками.

Он толкнул дубовую дверь.

Комната утопала в предвечерних сумерках. В высоком окне виднелись заснеженные зубчатые гребни массива Серр-Шевалье, окрашенные закатом в мертвенно-пепельный цвет. На столе Сесиль мерцал монитор, разгоняя полумрак дрожащим голубоватым сиянием.

Сесиль подняла голову от бумаг. Увидев мужа, она удивленно моргнула, сняла тонкие очки в металлической оправе и поспешно поднялась. На ее худых плечах лежала теплая шаль из грубой шерсти, которую Батист подарил ей на серебряную свадьбу.

— Батист? Боже мой, что ты делаешь в городе в такой час? — в ее голосе зазвучала нежная, привычная тревога. — Автобусы на перевал уже не ходят. Как ты доберешься обратно на кошару к ночи? Что-то случилось с коровами?

— Все хорошо, Сесиль. Скот закрыт, Гастон остался приглядеть, — старик с трудом выдавил из себя глухой, неровный голос. Он подошел ближе, стараясь не смотреть жене в глаза, и опустил папку на край стола. — Я привез документы. Те, о которых говорил на прошлой неделе. По правительственной программе поддержки горных ферм.

Сесиль облегченно вздохнула и провела ладонью по его заиндевевшему рукаву:

— Ты так напугал меня... Садись к радиатору, ты весь ледяной. Я поставлю кофе.

— Не надо кофе, — перебил он ее чуть резче, чем хотел, и тут же смягчился, испугавшись собственной грубости. — Время идет, Сесиль. Марсель сказал, что прием электронных заявок на осенний транш закрывается в казначействе сегодня до шести вечера. Если мы не отправим данные через правительственный портал FranceAgriMer прямо сейчас, хозяйство останется без выплат до следующей зимы. А нам нужны корма. Мы не дотянем до мая.

Лицо женщины стало серьезным. Она снова надела очки, села в кресло и открыла ведомственную базу данных. На экране развернулся формуляр с триколором Французской Республики и золотыми звездами европейского фонда.

— Давай бумаги, Батист. Ты взял выписку из ветеринарного управления у доктора Мерсье?

Батист замер. Рука его, сунутая в папку, задрожала. Подлинная справка доктора Мерсье, лежавшая в самом низу, свидетельствовала черным по белому: *«Поголовье крупного рогатого скота фермы Ле-Мон-Нуар — 60 голов. Мелкого рогатого скота — 150 голов. Эпизоотическое состояние благополучное»*. Если Сесиль увидит ее, обман вскроется в ту же секунду.

Он вытащил только верхние листы — свежие договоры купли-продажи кормов и расчетные таблицы, которые наспех составил Марсель.

— Справка Мерсье уже внесена в электронный реестр района, он сам отправлял данные весной, — быстро, стараясь говорить как можно спокойнее, соврал Батист. — Вот расчет потребности в субсидиях на зимовку. Перепиши оттуда.

Сесиль пододвинула к себе первый лист с синей печатью фермерского союза. Ее тонкие пальцы привычно застучали по клавиатуре, заполняя регистрационные поля: номер налогоплательщика, кадастровый номер пастбищного участка в урочище Ле-Мон-Нуар. Но когда ее взгляд опустился в графу заявленного маточного поголовья, пальцы замерли над клавишами.

Она медленно подняла глаза на стоящего над ней мужа. В ее взгляде сквозило растерянное, почти детское недоумение.

— Батист... Что это за цифры?

— Какие цифры? — выдавил он, чувствуя, как ледяная капля пота медленно стекает по спине между лопаток.

— Здесь написано: овец и ярок — три тысячи пятьсот тридцать голов. Коров мясных пород — двести шестьдесят три... — голос Сесиль упал почти до шепота. — Батист, о чем ты? У нас в кошаре сроду не помещалось больше двухсот овец! Где эти животные?

Мир вокруг Батиста словно сжался до этого крошечного пятна света на столе. Он видел, как дрожит уголок губ его жены, видел ее чистые, серые, никогда не знавшие греха глаза. Ему казалось, что сейчас рухнут вековые гранитные своды архива и раздавят его под своей тяжестью.

Он оперся тяжелыми кулаками о столешницу, склонившись к самому ее уху:

— Сесиль, послушай меня. Послушай ради всего святого. Ты всю жизнь сидишь здесь, среди старых архивов, и не знаешь, как устроены эти субсидии в Париже и Брюсселе. Это не перепись живых голов в загоне. Это условные единицы пастбищной нагрузки! Понимаешь? Европейские нормы! Если фермер арендует двести гектаров альпийских склонов, он обязан заявлять нормативное поголовье, иначе землю отберут и передадут крупным агрохолдингам из Марселя!

— Но, Батист... ведь здесь написано «фактическое наличие скота на содержании»... — пролепетала она, указывая пальцем на строгую типографскую строку бланка.

— Это казенная терминология, черт бы ее побрал! — в отчаянии воскликнул старик, повысив голос. — Марсель консультировался с окружным юристом! Люк Фабр подал точно такую же заявку! Ты думаешь, твой муж стал бы врать государству? Ты думаешь, я вор?

Сесиль испуганно отшатнулась, прижав руку к груди:

— Нет... Нет, Батист, что ты! Я никогда так не думала...

— Тогда вноси эти цифры! — его голос сорвался на глухой, надсадный хрип. — Нам нужно спасти кошару! Ты хочешь, чтобы весной мы выгребали из навоза трупы заморенных голодом коров? Ты хочешь, чтобы Жюльен приехал с дочерью нотариуса, а у нас в доме не было денег даже на кусок хлеба для сватов? Ты этого хочешь?!

При упоминании имени сына что-то надломилось в лице Сесиль. Любовь к Жюльену была ее единственной слабостью, ее молитвой и ее дыханием. Женщина закрыла глаза, ее длинные ресницы мелко задрожали.

— Хорошо, Батист, — едва слышно прошептала она. — Если ты говоришь, что так положено по закону... Я внесу.

Она повернулась к экрану. Пальцы ее двигались теперь медленно, неуверенно, словно преодолевая невидимое сопротивление воздуха. Цифра за цифрой: 3 530. 263. Сумма расчетной компенсации за тонны фиктивного фуража: 42 500 евро.

Сесиль вставила карту служебного доступа с цифровой подписью мэрии, подтверждая отправку пакета документов на защищенный сервер префектуры Верхних Альп.

— Осталось подтвердить отправку, — сказала она, не оборачиваясь. Рука ее лежала на мыши, но палец не нажимал кнопку. Она словно ждала, что он остановит ее в последний миг.

Батист стоял за ее спиной, не дыша. В этот миг он ненавидел себя так, как не ненавидел ни одного волка в ущелье. Он знал, что делает ее соучастницей преступления, за которое французские суды карали беспощадно. Но перед его внутренним взором стояли счастливые глаза Жюльена и его собственная, непомерная, слепая отцовская гордость.

— Нажимай, Сесиль.

Щелчок кнопки мыши прозвучал в мертвом безмолвии зала, как выстрел карабина.

На экране закружился зеленый круг ведомственной обработки данных. Через три секунды всплыло окно: *«Пакет документов принят к финансовому исполнению. Ожидайте перечисления средств на расчетный счет заявителя»*.

Сесиль откинулась на спинку стула и медленно выдохнула. Ее лицо было бледным, как бумага на столе.

— Вот и все, Батист. Дело сделано.

Старик молча взял со стола папку, сунул ее под мышку и поцеловал жену в холодный, пахнувший лавандой лоб.

— Спасибо, мать. Ты спасла нас.

Он быстро вышел из кабинета, почти побежал по темному коридору ратуши вниз, к выходу на городскую площадь. Холодный ночной воздух Бриансона ударил ему в грудь, но не принес облегчения. Батист чувствовал, как невидимая петля, затянувшаяся на его шее в хижине Марсея, теперь захлестнула и тонкую, беззащитную шею его жены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.